

К. В. Западная

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

В современной лингвистике в центре внимания ученых все чаще оказывается не объект познания, а познающий субъект. Такой антропоцентрический подход и предопределил обращение многих исследователей к текстовой составляющей рока. Однако изучение иноязычных лексем в современной русской рок-поэзии в лингвистической науке до сих пор не предпринималось.

Таким образом, **целью** данной работы является исследование заимствованных единиц на материале стихотворений отечественных рок-поэтов конца XX – начала XXI в. с точки зрения их адаптационного механизма, что позволит установить специфику данного объектного пространства.

В адаптационном механизме русского языка различают два основных аспекта: формальный и семантический. Под формальной адаптацией, по определению Е. В. Мариновой, понимают приспособление нового слова к фонетике, грамматике, графике и орфографии принимающего языка, т. е. такую его обработку, которая не затрагивает смысловую сторону слова [1, с. 14].

Прежде всего, выделяют такие типы формальной адаптации, как фонетическая и графическая адаптация. Отметим, что основным направлением в русском литературном языке является ориентация на звучание этимона заимствуемого слова в языке-источнике, т. е. практическая транскрипция. Число заимствований, являющихся результатом практической транскрипции, в рок-текстах составляет 52% от общего количества исследованных единиц, например: *И поджег меня. Ариведерчи.* («Ариведерчи», «Земфира»). «**Ариведерчи**, [ит. *arrivederci* до свидания]. межд. До свидания» [2].

Отмечено, что транслитерация как способ передачи внешнего облика иноязычия в литературном языке используется в чистом виде нерегулярно [1, с. 15]. Однако в рок-поэзии транслитерация, напротив, регулярна, составляет 44% от общего количества исследуемых единиц. Например, в названии композиции группы «Земфира» «**Трафик**». «**Трафик**, (англ. *traffic* движение, сообщение)» [3, с. 544].

В процессе освоения некоторые иноязычные слова в рок-текстах приобретают несколько вариантов своего оформления (морфемный, графический, орфографический). Так, прилагательное *сюрреалистичный* вступает в вариантные отношения с прилагательными *сюрреалистический* и *сюрреальный*, которые различаются морфемным составом: *Детям рок-н-ролла хватит димедрола, чтоб/ Погрузиться в сюрреалистичное кино...* («Мышка», «Чиж & Со»). «**Сюр/реал/ист/ичн/ый**, (фр. *Surrealisme* сверхреализм). **Сюр/реал/ист/ическ/ий**, по своим свойствам напоминающий сюрреализм (причудливо-искаженное сочетание и сращение реальных и нереальных предметов)» [4, с. 679]; «**сюр/реал/ь/н/ый**, выходящий за пределы естественных представлений; нереальный» [5, с. 1301].

Употребление третьего варианта *сюрреалистичный* в данном тексте, возможно, является оправданным. Контекстуальное окружение данного прилагательного позволяет неоднозначно воспринимать это прилагательное. Можно говорить о сплетении в нем значений других двух вариантов. Определяя существительное *кино*, прилагательное *сюрреалистичный* реализует относительное значение, которое также принадлежит прилагательному *сюрреалистический*, т. е. «по своим свойствам напоминающий сюрреализм» – «кино, снятое в стиле сюрреализма». Более пристальное рассмотрение поэтического текста, а также некоторые фоновые знания о

лекарственных препаратах (*детям рок-н-ролла хватит димедрола*) позволяют выделить значение, присущее парониму *сюрреальный* «выходящий за пределы естественных представлений; нереальный». В этом случае словосочетание *сюрреалистичное кино* приобретает переносное метафорическое значение «галлюцинации». Таким образом, использование такого морфемного гибрида, вызывающего в сознании реципиента разные ассоциативные ряды, можно рассматривать как особый стилистический прием в рок-поэзии.

Чаще формальные варианты иноязычных слов в рок-поэзии носят графический характер, например: *Но он танцует этот твист, когда я пою rap*. («Атеист», «Алиса»). *Тоталитарный рэп* – это абстрактный пряник... («Тоталитарный рэп», «Алиса»).

Также частотны фонематические варианты иноязычных лексем, например: *Танцуй в душе брейк-дэнс* («Козлы», «БГ»). *Тоталитарный рэп* – это .../ *Этакий брейк-данс*. («Тоталитарный рэп», «Алиса»).

Общее число вариативных иноязычных лексем в рок-текстах составляет 1,5% исследуемых единиц, объясняется это и тем, что при передаче одного и того же иноязычного прототипа использованы разные способы – транскрипция и транслитерация (ср.: *дэнс* – *данс* от англ. dance), и частной задачей поэтического рок-текста – стремлением к особой выразительности.

В целом регулируемое внутриязыковыми причинами варьирование иноязычного слова в процессе адаптации не только является показателем новизны слова, но и свидетельствует об активности освоения этого слова носителями языка. Под внутренними причинами, вслед за Б. А. Серебренниковым, мы понимаем тенденции к устранению избыточных свойств выражения, к устранению чрезмерной полисемии слов и др. [6, с. 156]. Следовательно, устранение вариантности является характерным признаком прочного вхождения иноязычного слова в лексическую систему русского языка.

Однако наличие и отсутствие избыточных форм выражения определяется также и экстралингвистическим фактором, который заключается в постоянно действующей тенденции приспособления языкового механизма к потребностям человеческого организма. Язык рок-поэзии ярко демонстрирует такую социальную природу языка. Вариативность в рок-поэзии подчас имеет намеренный характер, служит приемом создания дополнительной выразительности и обусловлена стремлением рок-поэтов максимально четко отразить действительность, а значит, не является чрезмерной.

Грамматическая адаптация нового иноязычного слова связана с внешним обликом слова, а также с его семантикой. Чаще всего иноязычное слово и его прототип в языке-источнике совпадают с точки зрения их языкового статуса и морфологической принадлежности. В 15% случаев в рок-текстах такими единицами являются иноязычные существительные, представляющие собой экзотизмы, например: *Спи. Я – твой Пер Ноэль* («Новый год», «Сплин»). «**Пер Ноэль**, [фр. Pere Noel]. Дед Мороз» [2].

Менее продуктивны, в 8% случаев, лексемы, морфологически оформленные аффиксами заимствующего языка, или слова с замещением части иноязычного образца русским элементом, например: *Неуемная свежесть в мозгах./ Папироса летит в пустоту./ Электро-попс в ногах!* («Сен симилья», «Чиж & Со»). «**Папироса**, (польск. papieros). Бумажная трубочка, набитая табаком» [4, с. 560].

Грамматически оформленное иноязычное имя существительное в процессе заимствования приобретает грамматическую категорию рода. Отметим, что род имён существительных оформляется в соответствии с их семантикой. Особенно эта тенденция проявляется при заимствовании неодушевленных существительных из английского языка, не имеющего грамматической категории рода (м. р. *хит* – ср. р. *hit*), например: *Хочется напиться ... и выдать пару старых хитов*. («Такие дела», «Чиж & Со»). «**Хит**, (англ. Hit гвоздь сезона). муз., разг. Музыкальное произведение,

имеющее наибольшую популярность в течение какого-н. промежутка времени [4, с. 751].

Адаптация заимствований-существительных происходит следующим образом: склоняемые в большинстве своём существительные с консонантным исходом, а несклоняемые существительные с вокальным исходом, сравните: *Когда кидает любовь, начинается блюз* («Перекресток», «Чиж & Со») и *Свои буги орать* («Реклама каратэ», «ДДТ»). Число таких несклоняемых заимствований незначительно — 1,7% от общего количества иноязычных имен существительных в рок-текстах.

Грамматическое поведение новых иноязычных существительных по отношению к категории числа также зависит от семантики слова. Так, форму множественного числа получают все одушевлённые существительные и подавляющее большинство неодушевлённых конкретных существительных. Незначительное число слов конкретной лексики пополняет разряд имён существительных *pluralia tantum*, например: *Когда падал снег, он использовал мех, / Если шел дождь – снимал мокасины*. («Форест Гамп», «Чиж & Со»). **Мокасины**, (англ. moccasin). 1. У индейцев Сев. Америки: мягкая обувь без твердой подошвы. 2. Обувь без шнуровки из мягкой кожи» [4, с. 449].

Особенностью грамматического освоения иноязычных имен существительных является использование субстантивов в роли других частей речи. Так, на рубеже XX – XXI вв. становится регулярным функционирование имён существительных в роли аналитических, прилагательных. В рок-текстах активно функционирует модель «аналит + существительное», где первым элементом является заимствование из английского языка, например: *Ироничная модная повесть, рок-революция, кости братков* («В этот великий день», «ДДТ»).

Е. В. Маринова отмечает, что порождение словосочетаний по данной модели ограничивается рамками книжной, кодифицированной речи, они не образуются в разговорной речи и редко создаются в жаргоне [1, с. 24]. Однако язык рок-поэзии активно создает новые сочетания этого типа: *Rock-n-Roll-мама, Rock-n-Roll-дева, R-n-R-крест, секс-бюрократка, поп-менестрели* и т. д. Такое наблюдение доказывает положение о том, что рок-поэзия представляет собой специфическое сочетание кодифицированной речи и субстандарта. Продуктивность иноязычных аналитических прилагательных в рок-текстах обусловлена такой их особенностью, как свободная сочетаемость, а значит, и бесконечная возможность создавать новые словесные образы.

Иноязычные существительные могут употребляться и в роли наречий. Образование наречий от имен существительных представлено малым количеством лексем, около 2% от общего числа иноязычных существительных в рок-текстах, например: *Я в до-мажоре жарю блюз* («Я в домажо!», «Машина времени»). **Мажор**, (итал. Maggiore большой). Музыкальный лад, звуки которого образуют аккорд, состоящий из большой и малой терции (характеризуется бодрой, радостной звуковой окраской)» [5, с. 513].

Количество заимствованных имён прилагательных в рок-текстах составляет около 6% слов от общего количества иноязычных в рок-поэзии. Необходимо отметить, что при заимствовании склоняемые иноязычные прилагательные приобретают адъективный суффикс и систему флексий. Функцию оформления заимствуемого прилагательного в рок-текстах выполняют суффиксы *-н-* (*камуфляжный* < фр. camouflage «маскировка»); *-ов-* (*попсовый* < англ. pop «эстрадный, популярный»).

Современные заимствования, пополняющие класс глаголов, немногочисленны, всего 2% иноязычных. Из молодежного жаргона проникают в разговорную речь эквивалентные глаголы *аскать* «просить» (< англ. to ask), *найтовать* «ночевать» (< англ. night), *фузить* «курить» (< англ. to fuse). В целом в современных рок-текстах количество заимствованных глаголов из субстандарта превосходит количество заимствованных глаголов из литературного языка.

Что касается заимствованных наречий, то употребление таких лексем в рок-текстах наблюдается редко, менее 1% слов. Оформление наречий иноязычного происхождения реализуется двумя способами. Наречия могут или оформляться аналогично русским наречиям на *-о* (*сексуально, кайфово*), или оставаться неизменяемыми, например: *Но я знаю: мы еще сыграем/ На удачу и в который раз ва-банк!* («Не говори мне прощай», «Секрет»). «**Ва-банк**, (фр. *va banque* < *va* – 3 л. ед. от *aller* идти + *banque* банк). Идти ва-банк — действовать, рискуя всем» [4, с. 136].

Особо отметим, что в рок-текстах частеречный состав иноязычной лексики представлен очень широко (*эквилибр, поллюционный, политкорректно, протезировать, Zero* «ноль», *майн* «мой», *нихт* «не»). Активно используются коммуникемы, в том числе и этикетные формулы (приветствия, прощания и т.п.): *Viva* «да здравствует», *Ахтунг* «внимание», *Доннер веттер* «чёрт возьми», *Силь ву пле* «пожалуйста».

Семантическое освоение иноязычных слов происходит в процессе постепенного их включения в синтагматические и парадигматические связи со словами принимающего языка. Семантические изменения, которые претерпевает слово чужого языка в момент заимствования, во многом обусловлены общими процессами, происходящими в русской лексике на современном этапе развития языка. К ним относятся активная ассимиляция иностилевых лексических средств, актуализация слов, находившихся ранее на периферии языка, трансформация семантики и стремительное развитие полисемии слов некоторых тематических групп, обновление сочетаемости слов, формирование новых тематических групп лексики [1, с. 33]. Таким образом, в современной русской рок-поэзии иноязычия активно участвуют в процессах метафоризации, семантической деривации, детерминологизации. Более того, такое вовлечение способствует быстрому закреплению слова в речи носителей заимствующего языка. В семантическом освоении иноязычий можно выделить несколько адаптационных этапов. Начальный этап характеризуется семантической диффузностью слова, расплывчатостью его значения, причём варьирование смысла происходит в пределах одного значения, т. к. слово заимствуется из чужого языка как моносемичная единица. Следовательно, вновь пришедшее заимствование на первых порах ограничено в употреблении и в рок-текстах может поддерживаться особыми метатекстовыми приёмами (перевод, дефиниция, синтаксическая фигура приложения, нанизывание синонимов и др.), цель которых – пояснить читателю значение: *Да возможно, Пуркуа Па, мы войдем в историю* («Новый год», «Агата Кристи»).

Другой пример: *А-а-а в твоих же зрачках страх,/ И в них же чужая боль. / Девять – ноль,/ Zero* («Zero», «Земфира»).

Семантическая диффузность и, как следствие, широкая сочетаемость неологизмов иноязычного происхождения в рок-поэзии являются не только средством создания особой экспрессии, но и тем самым источником запутанных ассоциативных связей, отличающих рок-поэзию как жанр. Поэтому с точки зрения восприятия говорящими любая новая иноязычная лексема на начальном этапе воспринимается реципиентами по-разному. Нередко то или иное иноязычное слово становится на какое-то время своеобразным «тестом», выявляющим уровень образования человека, а именно знание им чужого языка, его возрастную, социальную и профессиональную принадлежность.

Следующим этапом является адаптация лексического значения нового иноязычного слова. На этой стадии новая звуковая оболочка заполняется конкретным смыслом. При этом начальное значение и стилевая принадлежность заимствования дифференцируются, например: *мажор* мол., неодобр. «молодой человек — представитель элиты, материально обеспеченный и ставящий материальные интересы превыше всего» [7, с. 328]. Затем восприятие слова говорящими разных социальных и возрастных групп выравнивается.

Важную роль в формировании лексического значения нового иноязычного слова играет способ семантического заимствования: копирование значения слова-этимона (ср. англ. *shoes* и рус. *шуз* «обувь, ботинки, туфли») или трансформация значения (ср. фр. *sortir* «выходить» и рус. *сортир* «уборная»).

Условием копирования значения является совпадение частеречной принадлежности слова-этимона и заимствуемого слова. Если же при заимствовании меняется частеречная принадлежность слова (рус. сущ. *бутафория* и ит. гл. *Buttafuori* «выбрасывай – команда режиссера актеру выходить на сцену» [4, с. 133]), обязательной становится трансформация лексического значения слова-этимона. В некоторых случаях в рок-текстах трансформации подвергаются заимствования, частеречная принадлежность которых совпадает с одной у слова-этимона (ср. рус. *брифинг* «краткая пресс-конференция» и англ. *briefing* «инструктаж» [5, с. 97]).

Также необходимо отметить, что язык рок-поэзии активно заимствует иноязычные лексемы, которые в первую очередь пополняют субстандарт, см.: *шуз*, *роллинг*, *диджей* и др. При этом семантическая адаптация таких единиц отличается тем, что впоследствии жаргонизмы претерпевают стилистическую нейтрализацию.

Последний этап семантического освоения сопровождается процессом семантической деривации, в результате чего семантическая структура иноязычной лексемы пополняется новым значением, расширяется сфера употребления слова, его сочетаемость. Некоторые наиболее употребительные иноязычные неологизмы развивают в рок-поэзии вторичные значения, например: *День прошел, за собой/ Приведа негатив* («Я подобно собаке», «Чиж & Со»). «**Негатив**, (лат. *negativus* отрицательный). Разг. Информация отрицательного свойства» [5, с. 617].

В данном отрывке лексема *негатив* реализует свое новое вторичное значение «плохое настроение, отрицательные эмоции», которое соответствует и выводится из контекста. Необходимо отметить, что частотность употребления иноязычной единицы *негатив* в новом значении, хотя оно еще не зафиксировано словарем, велика. В таком значении слово функционирует преимущественно в разговорной речи.

Таким образом, особенности адаптации слова как на начальной, так и на последующих стадиях зависят от того, к какому типу иноязычной лексики оно относится. При заимствовании слов, не имеющих эквивалентов в русском языке или экзотизмов, происходит копирование лексического значения слова-этимона (*пироман*, *сенсимилья*, *кайсяку*); при заимствовании эквивалентных лексем – трансформация слова-этимона (*кайф*, *хайр*, *минор*).

А. И. Дьяков отмечает, что большую часть заимствованных англицизмов составляют лексемы, появившиеся в русском языке как результат удовлетворения потребности в наименовании новой вещи или понятия [8, с. 37]. В целом такое положение характерно и для рок-текстов, где количество безэквивалентных единиц превышает эквивалентные. Следует отметить, что эквивалентные единицы не являются избыточными по сравнению с исконными в рок-лирике, так как чаще всего они или являются результатом, по формулировке Л. П. Крысина, «необходимости специализации понятия» в языке-рецепторе, или получают особую стилистическую окрашенность [9, с. 158]. Например: *Спустив в сортир фотографии всех, кто не понял/ Как движется лед* («Как движется лед», «Аквариум»). «**Сортир**, (< фр. *Sortir* выходить). Уборная» [4, с. 655]; «Уборная, отхожее место» [5, с. 1239].

Несмотря на то, что толкование лексемы *сортир* дается без стилистических помет, в рок-тексте ее значение приобретает пренебрежительный оттенок.

Ранее отмечалось, что особенностью рок-текстов является активное употребление эквивалентных иноязычий с терминологическим значением: *Африканку тревожит Луна/ Но дрожит перед ней исполкома стена/ Когда потрясает она/ Своей сексуальной дотацией* («Африканка», «Агата Кристи»). «**Дотация**, (фр., нем. *Dotation* дар, пожертвование). Государственное пособие для покрытия каких-н. расходов» [4,

с. 244].

Таким образом, в рок-текстах активно функционируют иноязычные единицы, которые прошли фонетическую адаптацию, пишутся кириллицей, имеют своё строго индивидуальное значение, имеют производные.

Очевидно, что в рок-текстах процесс освоения иноязычной лексики характеризуется стремлением поэтов к множественности обозначений одного и того же фрагмента действительности. Эта тенденция проявляется в одновременном существовании нескольких формальных вариантов иноязычной единицы, наиболее частотными из которых являются орфографический и графический типы. Это позволяет рок-поэтам использовать такой большой запас номинаций в разных стилистических, образных и коммуникативных целях.

Происходит заимствование эквивалентных единиц, которые впоследствии вступают в синонимические отношения, а также приобретают новую стилистическую окрашенность. Связи иноязычных слов с уже существующими в русском языке словами оказываются решающими в процессе их семантического освоения. Процесс заимствования и освоения эквивалентных единиц отражает тенденцию к устранению межъязыковых лакун (отсутствие в русском языке переводного элемента той или иной номинации в иностранном языке), а также тенденцию к устранению полисемичности исконных слов.

Наблюдается активное участие нового слова в деривационных процессах. Некоторые заимствования уже на русской почве развили новое значение.

Таким образом, вариативность заимствований в рок-текстах не представляется избыточной, а напротив – оправданным явлением, так как расширяет стилистические возможности языковой системы. Более того, язык рок-текстов отражает общую для русского языка рубежа XX – XXI веков тенденцию к множественности наименований, активному накоплению обозначений одного и того же денотата, фрагмента действительности, в результате чего современный человек получает огромный запас номинаций, необходимых ему в постоянно усложняющейся жизни, связанной с дальнейшей дифференциацией сфер человеческой деятельности.

Литература

- 1. Маринова Е. В.** Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования : автореф. дис. на соискание учёного степеней. Д-р филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. В. Маринова. – М., 2008. – 44 с.
- 2. Яндекс. Словари** [Электронный ресурс] Электрон. дан., 2009. – Режим доступа : <http://lingvo.yandex.ru>, свободный, яз. рус.
- 3. Новый** большой англо-русский словарь : в 3 т. ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – М. : Рус. яз., 2000. – 832 с.
- 4. Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Рус. яз., 2001. – 856 с.
- 5. Кузнецов С. А.** Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001. – 1536 с.
- 6. Серебренников Б. А.** О материалистическом подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1983. – 318 с.
- 7. Мокиенко В. М.** Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 720 с.
- 8. Дьяков А. И.** Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков // Язык и культура. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2003. – С. 35 – 43.
- 9. Крысин Л. П.** Иноязычные слова в современной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 142 – 161.

У цій статті здійснено дослідження запозичених одиниць на матеріалі віршів вітчизняних рок-поетів кінця XX – початку XXI ст. з точки зору їх адаптаційного механізму.

Ключові слова: рок-поезія, іншомовна лексика, адаптація, запозичення.

В данной статье предпринято исследование заимствованных единиц на материале стихотворений отечественных рок-поэтов конца XX – начала XXI в. с точки зрения их адаптационного механизма.

Ключевые слова: рок-поэзия, иноязычная лексика, адаптация, заимствование.

In this article, the research of the borrowed units is made on the material of poems of domestic rock-poets of the end of the 20 – beginning of the 21 century from the point of view of their adaptation mechanism.

Keywords: rock-poetry, foreign-language vocabulary, adaptation, borrowing.

Стаття надійшла до редакції 14.11.2013 р.

Прийнято до друку 23.11.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Петренко О. Д.

УДК 81-13

Г. В. Звездава, Гоу Сюэгао

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА
В ГРУППЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА -ТЕЛЬН-
(на материале словарей современного русского языка)**

Наибольшей продуктивностью в обозначении лица уже в древнерусском языке обладал формант -НИКЪ, что было вызвано способностью суффикса -ЪН- присоединяться к любой части речи (глаголу или имени), а, с другой стороны, производные с суф. -ИКЪ-, вследствие транскатегориальной функции -ЪН-, от соответствующих прилагательных имели множество значений. «Поэтому с ним начинает конкурировать моносемантический дериват – -И-ТЕЛЬ» [1, с. 8]. Многозначность суффикса -НИКЪ становится причиной утраты наивысшей продуктивности его в кругу обозначения лица [2, с. 88], тем более что ему противостоит в этом отношении другой суффикс – -ТЕЛЬ/-ИТЕЛЬ. В словообразовании известно положение, что если два суффикса имеют одинаковые значения, то один из них либо приобретает новое, утрачивая продуктивность в обычном своем значении, либо просто уступает место более активному с отчетливой семантикой суффиксу.

Имена с суффиксом -ТЕЛЬ/-ИТЕЛЬ имели в древнерусском языке четкую соотношенность с глаголом, который как класс в словообразовании обладает признаком закрытости. К тому же, как показывают отдельные исследования, построенные на разном материале, он в основном взаимодействовал с глагольными основами на -А и -И(і) [2, с. 339]. Соответственно этому существовали суффиксальные последовательности -ИТЕЛЬ/-АТЕЛЬ, которые представляли собой сочетание показателя основы глагола с суф. -ТЕЛЬ. Г. В. Агапова насчитывает свыше 200 имен на -ТЕЛЬ: *заступитель, похвалитель, соблюдатель* и т. д., из которых 60 имеют СП -А-ТЕЛЬ: *поругати – поруг-а-тель, полагаати – полаг-а-тель* и т. д., а свыше 110 образований имеют СП -И-ТЕЛЬ: *осудити – осуд-и-тель*. Из них 8 слов вообще не имеют соотносительных глаголов на -И-ТЬ, что делает невозможным членение форманта -ИТЕЛЬ. На основании этого Г. В. Агапова делает вывод: «на базе суффиксальных последовательностей возникает единый формант -ИТЕЛЬ, который вступает с суффиксом -ТЕЛЬ в отношения дополнительного распределения: -ТЕЛЬ соединяется с корнями и основами на гласные (*обучати – обучатель, искушати – искушатель* и т. д.), -ИТЕЛЬ – с корнями на согласный (*погрести – погребитель, спасти – спаситель* и др.)» [1, с. 60 – 61].